

Приезда Ленинградского театра комедии москвичи ожидали с интересом. Не только потому, что в его афишах в числе объявленных были и неизвестные жителям столицы спектакли. Самое название театра предвещало определенную эстетическую программу, привлекал самый жанр, который так долго был под спудом и находил дороги к зрителю.

Москвичи увидели лишь четыре постановки театра: «Раки» С. Михалкова, «Судья в ловушке» Г. Фильдинга, «Новые времена» Г. Миявани, «Месяц в деревне» И. Тургенева. Но дело, конечно, не в количестве спектаклей, а в их сущности, в том, о каких творческих принципах заявил театр, с каким арсеналом художественных средств он выступил перед зрителями.

Достоинства и недостатки комедии С. Михалкова «Раки» уже отмечались в печати. Утилитарная критика пьесы, постановщики «Раков» должны были усилить обличение «лопоуховщины», найти средства для того, чтобы нагляднее и ярче показать зрителю мир гущести, мешательства, ротозейства.

Но вот на сцене Театра комедии появляется Ленский (его роль отлично исполняет талантливый актер В. Усков) — и сразу на задний план отступают Лопухов, его семья, его сослуживцы. Нам теперь уже не так интересуют поведение этих героев комедии, — больше волнует, как будет действовать Ленский.

То, что похождения Ленского в спектакле Ленинградцев (постановка В. Познанского и И. Ханзеля) служат не средством, помогающим проникнуть в мир лопуховых, показать их моральное уродство, в становятся главными событиями, в которых привлечено внимание зрителей, ослаблено и без того недостаточно сильное обличительное звучание комедии.

И напрасно так грозно надвигаются свои виды два крокодила, поддерживающие занавес. Острые этих вид лишь слегка задело Степана Феофановича Лопухова, представшего в исполнении К. Злобина глупым, неотосанным, мало культурным человеком — и только; его дочь Серафиму, которую актриса А. Сергеева не сумела сыграть с той злой сатирической интонацией, с какой она явилась автором; Самсоном Карагезовым (Г. Шмойлов), помощником Лопухова Уклеякина (С. Федоров)... И хотя среди образов лопуховцев есть отдельные актерские удаchi, спектакль бьет мимо главной цели.

В постановке Ленинградского театра комедии впервые на советской сцене увидела свет комедия английского драматурга XVIII века Г. Фильдинга «Судья в ловушке». Знакомство с нею подтвердило верный выбор театра: в пьесе заложены богатые возможности для интересного сатирического спектакля, остро обличающего пороки нравы буржуазного общества. Высмеивая лицемерие и мошенничество судьи Скуизома, писатель противопоставляет этим порокам положительные начала: жизнеутверждающий оптимизм, любовь и доверие к разуму, воле и энергии человека.

Театр (режиссер А. Музиль) верно почувствовал и хорошо передал оптимистический дух пьесы — это ощущается и в об-

щей жизнерадостной атмосфере спектакля, и в той веселой, задорной увлеченности, с какой играют Е. Жаров — Рембл, И. Зарубина — м-с Скуизом, Н. Трофимов — Сотмор, создавая полнокровные характеры героев. Однако это только одна, пожалуй, более легкая и не главная сторона задачи. Самое важное для Фильдинга — социально-политическая сатира; цель комедии — высмеять продажность и беззаконие буржуазного суда, глупость и ничтожество тушлых обывателей, изображающих себя государственным умными. И здесь театр не сумел подняться до высот подлинно сатирического обличения, достаточно глубоко раскрыть содержание пьесы. В режиссерской работе нет творческой смелости, мало выдумки, острых решений тех или иных сцен, а поэтому то, ради чего была написана комедия, к сожалению, не прозвучало в полный голос.

Судья Скуизом — плут, взяточник, вымогатель. Фильдинг обмалывает пороки Скуизома, выставляет их на общее осмеяние. Но А. Вениаминов, исполняющий эту роль, не дает почувствовать, что значат, когда правосудие вершит человек, лишенный чести, совести и стыда. А ведь только тогда, когда зритель поймет всю опасность и вредность Скуизома, вдвойне смешными покажутся те комические положения, в которые автор ставит своего героя. Но в Скуизоме актер видит прежде всего алчного, сластолюбивого старикашку, увлеченного молоденькой девушкой. И хотя эти черты переданы А. Вениаминовым мастерски, с большой внутренней убедительностью, фильдингский обличительный пафос остается нераскрытым до конца.

Не нашел театр сатирических красок и для таких персонажей комедии, как мистер Политик, констебль Стафф.

Мистер Политик — для драматурга серьезная сатирическая мишень: недаром точный перевод названия пьесы Фильдинга означает «Политик из кофейни, или Судья, пойманный в свою же ловушку». В Политике писатель высмеивает глупость и ничтожность людских, пытающихся без великих на то оснований изображать себя крупными государственными деятелями. Свою бесчеловечность они прикрывают громкими фразами об общественном долге, а пустоту — внешней многозначительностью. И здесь не нужно избегать заострения образа, — конечно, прежде всего его внутренней сущности. Однако И. Суханов играет «под сурдинку», все смеиваясь над Политиком, показывая его жестокость, но не разоблачая его, не вызывая осуждающий смех.

Еще более снисходителен к своему герою К. Злобин, исполняющий роль констебля Стаффа. Стафф — правая рука Скуизома, исполнитель его воли, верный последователь его житейских принципов. Это английский Держморда. Но К. Злобин упускает характер констебля, показывая лишь личное качество Стаффа — его глупость — и не раскрывая социальное зло подобных типов.

Если бы в спектакле основные сатирические роли были сыграны со всей остротой, подчеркивающей политический смысл комедии, то театру не пришлось бы

предвосхищать действие символически изображения ученого осли, воров, где чаща с золотом переешивает свод законов, грозного полицейского кулака. Тогда бы главная мысль комедии была не подсказана со стороны, а естественно вытекала из действия спектакля, из остро очерченных, глубоко осмысленных характеров.

Как видим, недостатки обоих спектаклей кроются прежде всего в ошибках режиссуры, в ее стремлении идти проторенным путем. Поэтому таким невыразительным оказалась спектакль «Новые времена», который, несмотря на глубокую, правдивую игру В. Ускова в центральной роли, обесцвечен режиссерской пассивностью (постановка В. Познанского), отсутствием творческой фантазии.

И не потому ли в спектаклях Театра комедии актеры нередко повторяют себя, прибегают к прямолинейным приемам, пытаясь вызвать смех ради смеха, что режиссер не требует от них смелых творческих исканий, что и ей самой не свойственно стремление к яркой, самобытной форме, наиболее глубоко и полно выражающей идейное содержание пьесы.

У Ленинградского театра комедии позади немало серьезных ошибок. И, может быть, не стоило бы сегодня вспоминать об этом, если бы в спектакле «Месяц в деревне» не ощущалась инерция тех ложных представлений, которые когда-то чуть не завели театр в тупик формализма.

Названная автором комедией, пьеса Тургенева «Месяц в деревне» по существу является психологической драмой, построенной на сложном переплетении человеческих чувств, на внутреннем подтексте. Передавая интимные переживания героев, Тургенев отказывается от выпященного выражения их чувств, от патетических монологов, чтобы не вызвать у зрителя иронического отношения к действующим лицам пьесы. Но на спектакле Театра комедии в самых неожиданных моментах то и дело раздается смех зрителей.

Пятый, последний акт спектакля. Сейчас происходит тяжелое, неприятное объяснение старых друзей. Однако уже самое начало действия рассчитано на патетическую реакцию зрительного зала; вместо того, чтобы, как указано в ремарке Тургенева, сидеть за столом и рассматривать бумаги, Ислаев (Г. Флоринский) сидит в подчёркнуто драматической позе, упершись лбом в колонну, и неестественно тяжело дышит.

Душевное смятение мешает Ислаеву как следует выразить свои мысли, и, чтобы передать его досаду, в руках артиста появляется палка, которой он действует, как... бильярдным кием, ловко сбрасывая со стола бумагу... В зале смех...

Сцена из спектакля «Судья в ловушке». Скуизом — А. Вениаминов, м-с Скуизом — И. Зарубина.

А дальше в повсе начинается водевильное представление: Ислаев комически всплескивает руками, орет, носит по площадке, трясет кулаком под носом компаньонки Лизаветы Богдановны... И, словно восклидательный знак, завершающий эффектную фразу, под занавес влетает в воздух табакерка Лизаветы Богдановны, выбитая из ее рук энергичным жестом «почтительной светской дамы» — Анны Семеновны Ислаевой.

Смешно? Возможно. Но какое все это имеет отношение к пьесе Тургенева?

И не только Ислаев, превращенный по воле режиссеров (А. Витвек и С. Селектор) и актера из умного, честного, порядочного человека в шута, дурака и чуть ли не сводника, но и многие другие герои пьесы приобрели неожиданные, не свойственные им черты. Наталья Петровна в исполнении Е. Юнгер оказалась атакой светской львицей, пожирающей сердца (подаром театр позволил себе исключить из пьесы слова, свидетельствующие о раскаянии Натальи Петровны в том, что она вмешалась в отношения Верочки и Боляева); Боляев в исполнении И. Полякова стал глуповатым, вялым, напичканным юншей; Большихов (П. Сузанов) и Лизавета Богдановна (О. Породомская) — опереточными масками.

Так снова в творчестве театра оказались ошибочные тенденции прошлого: пренебрежение к авторскому замыслу, отход от проникновения в глубины образа.

А это тем более досадно, что в Ленинградском театре комедии есть опытные мастера комедийного жанра, есть хорошая, талантливая молодежь. Но без твердой, направляющей руки режиссера, без ясной творческой цели коллектив не может добиться серьезных успехов.

И в этом театру надо помочь, укротить его режиссуру, которая бы сумела смелой, талантливой работой подсказать верные пути к творческим победам.